

ныхъ попытокъ его уразумѣнія, какъ бы ни улучшились орудія его познанія и наше отношеніе вслѣдствіе этого къ міру,—одно несомнѣнно:—наше личное духовное утвержденіе, то, что составляетъ наше дѣйствительное «я»—одинаково при всѣхъ временахъ и условіяхъ; сознаніе и чувство человѣческаго «я» остается неизмѣннымъ.

Отъ сознанія своего подлиннаго «я» проистекаетъ и сознаніе жизненнаго пути, направленія. Ибо это «я» не представляетъ собою чего-либо абсолютнаго, законченнаго, собой себя питающаго, вмѣщающаго въ себѣ возможность полнаго жизненнаго удовлетворенія. Именно душевный голодъ есть самая характерная черта познавшаго свою истинную природу человѣческаго «я». «Взыскующіе града», алчущія души, видящія предъ собою бесконечный путь роста и внутренняго созрѣванія и осуществленія, мѣрой жажды своей и стремленія опредѣляютъ большую или меньшую духовную сознательность. Но даже и въ безсознательномъ видѣ заложено въ каждомъ человѣкѣ особое внутреннее любопытство и влеченіе къ тому, что такъ или иначе раскрываетъ ему таинственный смыслъ жизни, въ которой борются противоположныя начала. Каждый жадно спѣшить подъ каждую каплю познанія подставить свою чашу. И писатель очень мѣтко 'замѣчаетъ, что «об-